

ПРОШЛОЕ
СМОТРИТ НА МЕНЯ
МЁРТВЫМИ
ГЛАЗАМИ

КАПИСОВА ИРИНА

12+

Ирина Ивановна Каписова

Прошлое смотрит на меня мёртвыми глазами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67093203

SelfPub; 2022

Аннотация

Она хотела бы, чтобы многие события в её жизни никогда не случались, а потому не хотела их помнить. Она желала проснуться маленькой девочкой, которой приснился страшный сон. Но прошлое живёт в детской комнате, старых книгах, скрипучих полах и пыльном кресле. Неожиданно появляется из-за угла и бесшумно следует за ней по пятам. От него не спрятаться за закрытыми дверями, не зажмурить крепко глаза. И как далеко, как долго она ни пыталась сбежать от прошлого, у неё не получалось забыть пережитое.

Ирина Каписова

Прошлое смотрит на меня мёртвыми глазами

ГЛАВА 1

«Скрип-скрип».

Скрипят половицы в закрытой комнате. Я кладу голову на холодный пол, покрытый пылью, и пытаюсь увидеть что-нибудь через маленькую щелку между дверью и половицей.

«Скрип-скрип».

Вижу тень в пустой закрытой комнате, качается из угла в угол.

«Скрип-скрип».

– Что ты делаешь? Встань с грязного пола, сейчас же! – мама подхватывает меня на руки и уносит подальше от мрачных холодных коридоров.

– Мама, там кто-то ходит! Я видела и слышала!

– Маленькая выдумщица! Тебе почудилось, малыш, – мама качает головой и прижимает меня к себе. Я провожаю взглядом бесконечную череду закрытых дверей, сумрак, который сгущается в конце коридора, и держусь за мамину шею. Теперь мне не страшно, но я знаю, что скрипы и беспокойная тень будут снится мне ещё очень долго...

– Что ты делаешь? – тихий голос звучит почти над самым

ухом, возвращая меня в реальность. В доме ужасно громко скрипят полы, но я не слышала ни единого её шага. Я вздрагиваю от неожиданности, выныриваю из плотного воспоминания и отрываю голову от пола. Видение прошлого отпускает долго и ещё некоторое время я вижу отдаляющиеся от меня двери. До меня не сразу доходит, что голос вовсе не мамин, а мне давно не восемь. Я не помню, как села на пол, как заглянула в комнату. Помню только, что шла в кладовку, а потом...

– Ничего, – отвечаю я. – Мне послышалось, что там кто-то есть.

– Неужели у нас завелись крысы? – испуганно восклицает она. – Впрочем, займёмся этим позже. Я везде тебя ищу. Пойдём скорее, мне нужно тебе кое-что показать.

Я поднимаюсь на ноги, долго смотрю на щелку, из которой льётся слабый свет, а после разворачиваюсь и быстрым шагом иду за ней.

Я часто проваливаюсь в свои воспоминания. Могу идти по коридору и внезапно увидеть события, которые были много лет тому назад. И вижу я их так чётко, так детально, что порой забываю, сколько мне лет на самом деле.

Сегодня утром мне вспомнилось детство.

Я была странным ребёнком. Пугать себя было моим любимым занятием. Я таскала книжки со страшными картинками из библиотеки тайком от мамы и читала их по ночам.

Бродила по коридорам и слушала завывания ветра. А потом не спала очень долго, прислушивалась к дыханию мамы и дребезжанию стекол от ветра.

Мы поселились в большой пустой дом, когда мне было два года. Помню, как грустная мама вела меня за руку, и как забавно трепыхался её красный шарф. Далеко на горизонте возникла белая огромная фигура, оплетенная черными ветками.

– Этот дом достался нам от бабушки, – объяснила она мне в тот день. Её голос, и без того тихий, заглушал шум ветра.

Я посмотрела на покачивающиеся голые ветки и крепче сжала мамину ладонь.

В доме постоянно кто-то вздыхал, охал, ходил, скрипел, свистел и это были не мы с мамой. Моя бурная фантазия рисовала кого-то жуткого и неуловимого в доме, и я боялась этого неведомого существа, но всегда хотела встретиться с ним лицом к лицу. Становясь старше, я раскрывала секреты дома – где-то оттопырена половица, в стенах шуршат мыши, хлипкие форточки выбиваются ветром, а по вентиляции бродит сквозняк.

Из теплого солнечного города нам пришлось переехать в место, где постоянно дуют ветра и льет дождь. Пасмурная Долина – так называют её люди, которые здесь жили. С каждым годом отсюда уезжает одна семья. Домики пустеют, сыреют и рушатся, превращаясь в грустных призраков. К моему восемнадцатилетию в Долине остались только мы и наша

старушка-соседка. Да и та, что ни день, ворчала о своей скорой кончине.

Грустные призраки одиноки, поэтому всегда рады гостям. В детстве я была уверена в этом и часто бродила по заброшенным домам. Мама ругалась – она переживала, что на меня упадет отсыревшая от дождя балка или я провалюсь в подвал. Но ничего такого не происходило, а моему упрямству мог позавидовать бы кто угодно, и я продолжала там ходить.

Дома люди покидали в спешке. Мне был ужасно интересен оставленный людьми быт. Бывало, зайду в комнату, а там чья-то кукла. Сидит, свесив голову набок, смотрит печальными глазами в пустоту и молчит. Забыли. Видимо, очень торопились. Я подниму её, сочувственно приглажу волосы и посажу на кровать. Не смею забрать домой – думаю, что хозяйка когда-нибудь вернется за ней.

Я была наивным ребёнком и верила в чудеса. Верила, будто бы дома живые и чувствуют нас. Все звуки, которые мне доводилось слышать, списывала вздохи или движения дома. Из-за этого убеждения в заброшенных домах я всегда молчала. В них было очень тихо. Мне казалось, будто бы они спят или очень горюют, а потому такие безмолвные. Молчала и тосковала по былым хозяевам вместе с ними, не позволяла себе шуметь и веселиться из-за уважения к ним. Ведь дома – такие большие, а я – такая маленькая, – должна их уважать.

В Долине очень скучно жить, но маленькой фантазерке

всегда было чем заняться. Для меня Пасмурная Долина была сказочным местом. Каждый день можно было увидеть малышку в дождевике за самыми странными занятиями. То она резво прыгает среди камышей у пруда, то ходит меж маленьких деревьев в маленьком саду и ищет кого-то, то бродит по очередному заброшенному дому. И постоянно что-то говорит себе под нос, с кем-то разговаривает, улыбается. У меня не было настоящих друзей, потому что в Долине не было детей моего возраста. Поэтому моими друзьями были камыши, деревья, дома, камни и плюшевая кошка. Все остальные не хотели со мной дружить, например, птицы или мыши, но я не расстраивалась. Я знала, что они чего-то боятся, раз убегают от меня, стоит мне только сказать им что-то. Деревья и камыши не прятались, а наоборот, гладили по голове и качали ветками в приветствие. Плюшевая кошка была моим постоянным компаньоном, пока не потерялась. Где она точно потерялась, не могу сказать. Наверное, не заметила, как выронила её в каком-то из домов (порой, глубоко уходя в свои мысли, я была очень рассеяна). Тогда мне казалось, что она сбежала. Сбежала точно так же, как и все жители Грустных призраков. Я мало плакала, но сбежавшая плюшевая кошка вызвала у меня нескончаемый поток слез. Мама успокаивала меня, говорила, что она ушла погулять и скоро вернется, гладила по голове, а я все плакала и плакала. Три дня не выходила из дома, а потом ходила жаловаться деревьям и камышам, и они, как мне казалось, плакали вместе со мной,

потому что тоже любили кошку.

Вселенская детская грусть не прекращалась, я хандрюла еще неделю. Мама каждый день куда-то уходила, оставляя меня у окна с печальным лицом. Как я потом поняла, она везде искала мою плюшевую кошку. Не нашла. В один день она ушла надолго, а когда вернулась, очень ярко сияла. Пожалуй, тот день был один из самых солнечных в моей жизни, а солнце в Долину приходило очень редко.

– Малыш, я нашла её! Твоя плюшевая кошка, она вернулась! – воскликнула мама с порога. Ей хотелось как можно скорее обрадовать меня. Между нами было несколько комнат. Я сидела в гостиной и смотрела на то, как трещат в камине поленья. Но лишь услышав мамин голос, я взволнованно вскочила и побежала к ней. Мама была вся мокрая, от дождя, волосы липли к лицу. Она вся продрогла, но не замечала этого, ведь была так счастлива! В сумраке я увидела, как она вытаскивает маленький пищащий пушистый комок из пальто и улыбается.

Как я уже говорила, я была наивным ребенком. И тогда я поверила, что это была моя плюшевая кошка. Не знаю, как так получилось – искала ли мама её, или кошка сама ее нашла, – но она была точь в точь, как моя плюшевая. Так у меня появился мой первый настоящий друг.

Плюшка сопровождала меня во всех путешествиях. Летом всегда гордо шествовала рядом, весной сидела в капюшоне, а зимой выглядывала из-под курточки.

Зимой в Долине всегда высыпало очень много снега. Мама строго настроено запрещала выходить на улицу.

– Камыши спят, деревья тоже. До домов не добраться. Что тебе еще там делать, малыш? – спрашивала она и закрывала собой выход на улицу. – А Плюшка и вовсе замерзнет там! Посиди-ка дома, дорогая моя!

И я шла раздеваться. Тогда приходилось искать развлечения в доме. Нашим любимым занятием было носиться по коридору. Я, громко хохоча, убегала, а она догоняла меня и оставляла зацепки на моих колготках. Маме никогда не нравилась моя испорченная одежда, но видя, как я счастлива, забывала обо всём. Забывала о подранных обоях, о луже в гостиной, об опрокинутом цветке.

Конечно, иногда, когда на улице было теплее, чем обычно, мама брала сани и мы поднимались в город вместе с Плюшкой, потому что я не хотела оставлять её дома. По пути туда мы обычно останавливались и лепили снеговика, а потом я еще долго думала, как он там один, без нас. Говорила маме, что надо было слепить двоих, чтобы им не было скучно. И мама обещала, что в следующий раз мы слепим друга.

В доме было скучнее, чем на улице, хоть он и был огромным. Три этажа и бесчисленное количество комнат. Я думала, что даже люди, которые его строили, не знали, сколько здесь комнат. Так много всего неизученного и неисследованного, казалось бы, просто чудо для меня, но вот незадача – мы не знаем, как открыть эти двери! Поэтому я бродила

по мрачным холодным коридорам и заглядывала в просветы между дверью и полом, в скважины, в щелочки между досками. Из доступного у нас был только весь первый этаж и библиотека.

Не смотря на постоянное стремление к приключениям, я была очень усидчивым ребенком. Могла часами сидеть за длинной сказкой и не слышать ничего вокруг. В сером доме удивительно ярко вспыхивали сказочные образы, я забывалась, а мое детское наивное сердце искренне верило в то, что писали в этих книгах. И даже тогда Плюшка не покидала меня. Играла с подолом платья, кусала локоны и уши, гонялась за руками, когда я переворачивала страницы. Но я не замечала, тогда она ложилась на колени и засыпала.

– Малыш, – окликала меня мама, но я даже не поднимала головы. – Малыш, пойдем ужинать. Сейчас все остынет.

Тогда я нехотя отвлекалась, тушила свечу, и, спустя минуту задумчивого молчания, спрашивала:

– Мам, а ты когда-нибудь была знакома с троллем?

– С троллем? – переспрашивала мама, улыбаясь. После того, как я начала читать, она привыкла к таким вопросам. Она, в принципе, привыкла к моему чудачеству. И подыгрывала мне. – Нет, к сожалению, не была. Тролли прячутся от людей.

– Почему? – я была очень расстроена.

– Они боятся людей, малыш.

– Как мыши и птицы?

– Как мыши и птицы.

Но всё было не так безмятежно, как могло показаться. Особенной частью моей детской жизни являлась ночь. Я периодами страдала от бессонницы. В темноте моя фантазия оборачивалась против меня, и самые ужасающие образы вставали перед кроватью, тянули ко мне свои руки, качали рогами, скрипели зубами и ворочались под кроватью. Мне хотелось с ними мириться, тоже стать им подружкой, но ночью я проглатывала язык от страха, а днём они все куда-то разбегались. Странные эти чудовища, может, они тоже чего-то боятся, думала я.

Помимо чудовищ, по ночам меня еще пугал чей-то плач. Горький громкий плач, доносящийся откуда-то снизу. Я прислушивалась к нему, мне становилось грустно. Всегда хотелось спуститься вниз к нему, кто бы то ни был, и успокоить, обнять. Но ночные монстры не давали мне это сделать, они тесно обступали меня так, что мне было даже трудно дышать.

– Мама, – шептала я, когда мне было очень страшно, а плач снизу был особенно грустным и тоскливым.

– Малыш? Почему ты не спишь? – она поворачивалась ко мне лицом. Я, свернувшись в куколку, сидела у свечи. Когда я видела ее глаза, все монстры вдруг убежали, они почему-то боялись мамы. – Опять чудовища? Почему ты не ляжешь ко мне?

Тогда я собираю свое одеяло, тушу маленький огонь и быстро перебегаю к ней. Мне все еще кажется, что кто-то

схватит меня за лодыжку. Монстры растворяются, а плач не прекращается.

– Вот так, – приговаривает она, накрывая меня еще и своим одеялом. – Спи, малыш.

– Мама, – я прижимаюсь к ней. – Ты слышишь?

– Что слышу?

– Как кто-то плачет внизу? Он плачет почти каждую ночь.

– Тебе кажется. Это не то, что ты думаешь, – объясняет она, засыпая. – Ставни скрипят. Сквозняк ходит, ты же знаешь? Проказник ветер...

– Ветер в подвале? – спрашивала я, но мама уже спала. Тогда и я с головой нырнула под одеяло, лишь бы не слышать, как кто-то громко льёт слезы, и быстро проваливалась в сон.

Ещё каждый вечер она уходила куда-то вниз, в подвал, и всегда старалась сделать это незаметно, но у неё не получалось.

Однажды, после долгого наблюдения за ней, я спросила:

– Зачем ты туда ходишь, мама?

Она остановилась и нахмурилась. Потеребила в руках ключ, висящий на шее. После этого она часто трогала ключ, когда нервничала.

– По делам, – ответила она, дернулась с места, а потом вновь была остановлена моим следующим вопросом.

– В подвал?

– Ты за мной следила, малыш? – я услышала нотки огорчения и злости в ее голосе и замялась. – Да, в подвал. Не смей

за мной ходить. Дело не твоего ума. Вырастешь, поймешь.

После этого разговора я больше не интересовалась тем, что она делает в подвале каждый вечер. Её обида на меня смешивалась с каким-то страхом, я не понимала ничего. Со временем любопытность моя угасла и я привыкла. Мы больше не заговаривали об этом и всячески старались избегать слова «подвал».

Вспоминаю свое детство сейчас и немного скучаю по нему. Оно было сплошной нескончаемой сказкой. Я очень благодарна маме за то, что она помогала этой сказке жить.

– Твой дедушка был таким же, как и ты, – говорила она иногда грустно. Обычно, перед сном, когда мы засыпали.

– Каким таким? – спрашивала я, ведь голова моя рисовала маленького бородатого ребенка с Плюшкой в руках.

– Любил сказки и всё фантазировал, фантазировал, фантазировал, – отвечала она и становилась все тише и тише. – Придумывал что-то постоянно.

– Это как?

– Ты поймешь все потом, малыш, – говорила в таком случае она и, кажется, плакала. Гладила по голове, пока я не засыпала. Тогда я ничего не понимала.

И я повзрослела. Никто этого не заметил. Никто не заметил, как пруд перестал быть таким большим, как маленький сад с маленькими деревьями стал совсем крошечным, как камыши перестали шептаться, а двери и окна старых грустных призраков заколотили.

Никто не заметил, как пробилась седина у моей мамы, как Плюшка стала меньше двигаться и все лежать, лежать у камина.

Я перестала разговаривать с предметами, но по-прежнему очень много думала и витала в облаках. Я что-то придумывала, но уже осознала, что все это лишь мои фантазии. Перестала искать троллей под камнями, слышать, как вздыхает дом, и верить, что если я буду тонуть, меня спасет русалка.

Я поняла, каким был мой дедушка. С годами я больше присматривалась к его библиотеке и, в конце концов, заметила, что у него там почти одни сказки да фантастика. Он что-то даже писал сам, говорила мама, но не знала, где это лежит.

Я ни разу не видела дедушку. Только на портрете, что стоит у нас на камине. Мама говорила, что он был прекрасным человеком, только вот к концу своих лет стал каким-то злым и не пожелал меня видеть.

– Не вини его, малыш, – говорила она. Мне было пятнадцать лет, но привычка называть меня малышом осталась. – Он был очень обижен людьми. Никто его не понимал.

И тогда я осознала, почему маме было так грустно. Она боялась, что я повторю судьбу своего деда.

Когда ты ребенок, тебе многое прощают. Над твоими глупыми фантазиями лишь умильно улыбаются. А когда ты взрослый, тебя считают чудаком. В самом плохом смысле. Мне казалось, что моего деда считали чудаком, все отвора-

чивались от него, и он не выдержал этого.

– Как жаль, что он не захотел тебя видеть. Вы бы так хорошо поладили! – после этих слов она плакала. На старости лет она стала очень сентиментальна. – Это моя вина, это я... Я тоже считала его чудаком...

Я не осуждала ни её, ни его. Садилась рядом с ней, обнимала и гладила по голове. Так же, как она когда-то меня. Но, если котенка можно было найти, то второго дедушки точно нет.

Что заставило перестать думать о чудачестве своего отца, она не говорила. Несмотря на хорошие отношения между нами, она очень много молчала. Чувствовались недомолвки, которые с каждым годом ощущались особенно остро. До восемнадцати лет я не знала, куда она постоянно уходит по вечерам, а моё желание узнать становилось все больше с каждым годом. Но мама молчала и делала вид, что ничего не происходит.

ГЛАВА 2

Я просыпаюсь от того, что мне трудно дышать. Открываю глаза и первое, что вижу, пушистую довольную морду прямо у своего лица. Плюшка уселась на груди, оперев обе передние лапы в мой подбородок, и мурчит.

– Доброе утро, Плюшка, – произношу я невнятно и закрываю глаза. Кошка делает так каждое утро с целью разбудить меня. Обычно, она просит выпустить её во двор или же,

если моя мама не встала раньше, покормить. Не глядя опускаю руку на её голову, мягкая шерсть струится под пальцами, Плюшка толкается лбом в ладонь. – Сейчас, ещё минутку. Минута и, обещаю, я поднимусь с постели.

Кошка остаётся довольна ответом, убирает лапы с подбородка и подворачивает их под себя.

Но вставать мне не хочется. Сон не отпускает, прижимает к себе липкими руками, а тепло, что мне дарит Плюшка, успокаивает.

Мама почти всегда встаёт раньше, но просит выпустить из дома кошка исключительно меня. Осталось с детства, рассуждаю я, с тех незапамятных времен, когда я постоянно таскала её с собой на улицу.

Я делаю глубокий вдох, беру Плюшку в руки и поднимаюсь.

С ног до головы меня окатывает холодная реальность, будто вода из ведра. Сердце бешено колотится, руки пустые, ощущение её теплой шерсти медленно тает на кончиках пальцев.

Плюшки со мной нет уже очень давно, а разбудила меня удушливая паника.

Я смотрю в сумрак холодной комнаты и чувствую, как тело покрывается мурашками. Иногда они возвращаются, мои воспоминания, это происходит почти каждую зиму, в самое тяжёлое для меня время года. В этом воспоминании мне было, кажется, семнадцать. Вроде бы, за два месяца до того,

как все началось. Мне привиделось прохладное августовское утро, когда жизнь была ещё счастливой и беспечной.

А все началось когда мне исполнилось восемнадцать.

После восемнадцати я, пожалуй, узнала слишком много. С этим возрастом я окончательно повзрослела, а от былых сказок не осталось и следа. Мама говорила, что быть взрослой мне будет тяжело и страшно, но я лишь смеялась над этим и говорила, что в любом случае справлюсь. Но ни она, ни я, не знали, на сколько это будет тяжело и страшно.

Я отметила свой восемнадцатый день рождения, а спустя три дня я стояла с лопатой над маленькой могилкой в крошечном саду и рыдала. Рядом стояла мама и вытирала бегущие слезы платком. Мы хоронили Плюшку. Она любила эту кошку, но я знала, что плачет она больше из жалости ко мне.

Две недели до этого Плюшка болела. Она ничего не ела, только лакала воду, которую я ей приносила. Всё время лежала у камина в своей лежанке, свернувшись клубочком, и не двигалась. Она почти не вставала. Я переживала всё это время, праздник мой прошёл грустно и тревожно, мы с мамой натягивали улыбки, у нас не получалось веселиться. Часами сидела рядом с Плюшкой и гладила её, смотрела на горящие поленья и не замечала ничего вокруг. Тогда ко мне приходила мама, клала руку на плечо и говорила:

– Она поправится, малыш. Всё будет хорошо.

Но мы обе знали, что она не поправится. Плюшке было 12 лет, она была хрупкой и болезненной. Она умерла от старо-

сти. Или, скорее, умерла из-за того, что старость не позволяла справиться с настигшей её болезнью.

Я гладила Плюшку по спине только чтобы убедиться, что она ещё дышит. Дыхание её было ровное, но слабое, с каждым днём становилось менее ощутимым. Иногда я, сама того не замечая, плакала. Слезы катились по моему лицу, стекали на одежду или разбивались о руку и только тогда я их замечала.

С каждым годом мой большой мир становился всё меньше. Или это я становилась слишком большой для своего детского мира? Он стал таким маленьким, что там осталось место только для мамы, Плюшки и меня. Мне было очень трудно представить его без Плюшки.

Первый урок для меня был таков: всё когда-нибудь уйдет, ничто и никто не будет рядом с тобой вечно. Думаю, этот урок я могла бы усвоить еще в детстве, когда потеряла игрушку, но мама решила, что мне пока рано об этом думать.

Последние три дня Плюшка совсем не поднималась с подстилки. Она не реагировала на мои прикосновения, почти не пила воду, больше не мурлыкала. Только спала. Я так часто её гладила, хотела запомнить её тепло, что делала это уже механически, и в один момент не заметила, что Плюшка уже не дышит. Я ещё долго гладила мёртвую кошку, смотрела на огонь и неосознанно плакала. Гладила и гладила, гладила и гладила, пока не пришла мама и не увидела это. Она сразу поняла, что Плюшки больше нет. Вновь положила руку мне

на плечо и еле слышным, срывающимся голосом, сказала:

– Малыш. Малыш, прекрати, пожалуйста. Плюшка ушла. Она убежала. Снова.

И я отскочила от кошки, как ошпаренная. Не помню, что было потом. Мама сказала, что я закричала. Сказала, что я не поверила её словам и пыталась разбудить кошку. А потом упала на диван и долго редела. Думаю, в тот момент порвалась последняя ниточка, которая связывала меня с детством.

У меня случилась ужасная истерика. Мама долго не могла уговорить меня выпить чаю с валерианой. После выпитого я спала, а на утро мы пошли хоронить Плюшку.

Глаза не просыхали. Я пила успокоительное, но оно не помогало мне. Или, быть может, всё же спасало меня от истерики. Мы оделись во всё черное и приготовили лопату. Я сказала, что рыть буду сама.

В день похорон дул сильный ветер. Громко шумели камыши, пруд покрылся рябью, а деревья постоянно трогали меня своими голыми ветками. Будь я младше, я бы сказала, что они все скорбят вместе со мной и сочувствуют мне.

После того, как коробка была закопана, я попросила маму уйти и еще долго плакала над могилой. Ведь кроме Плюшки и мамы у меня никого не было.

После смерти мы долго не разговаривали. Обычно, если никто не занят делом, мы говорим. Мама не любит, когда в доме тихо, это её жутко пугает. Я замечала, как она, бывало, кружит надо мной, хочет что-то сказать. Садится напротив

меня, наши взгляды встречаются, и она тут же отворачивается. Видно, решает, что я еще не готова. Потом подходит, прижимает к себе, и мы сидим так очень долго.

Она не так сильно переживала смерть Плюшки, ведь главным существом в её мире была я. Чувствовалось, что она что-то готовила, хотела сообщить важное, что, быть может, ей не так уж и хотелось сообщать, но она была обязана. А я не хотела ничего знать. Я, как и в детстве, сидела либо у окна, либо у камина, молчала или спала. У меня не получалось ни есть, ни читать, ни гулять. Только сидеть или лежать. Первое время я могла целый день не вставать с постели.

Так продолжалось около месяца. Мама всё ходила вокруг меня, всё пыталась сказать, но у неё не получалось. Потом я заговорила. Не радостно, но всё же подала голос. Начала лучше питаться, стала выходить на прогулку. К моменту моей поправки осень близилась к концу, стало очень холодно. Я подумала, что стоит погулять, пока есть возможность. Свежий воздух вернул меня к жизни, я стала чувствовать себя немного лучше. Могилку я старательно избегала, не хотела посещать, чтобы не теревить свежую рану.

И тогда мама решилась.

Это был первый день декабря. Все вокруг было ужасно холодное. В детстве я спрашивала у мамы, зачем придумано такое время, в которое не хочется вставать с постели из-за холода. Я никогда не любила зиму. С зимы, которую я встретила в восемнадцать лет, я стала ненавидеть это время года.

Из-за низкой температуры в большом доме, который мы не могли полностью прогреть самостоятельно, мы кутались в шерстяные шали. Мама нашла их очень давно в старом сундуке и сказала, что их когда-то вязала моя бабушка. Она их очень любила и всегда с любовью в них куталась. А мне они не нравились, они кололись и от них чесались ключицы. Но в то утро я не заметила этого.

Этой ночью мне не спалось. Я снова слушала, как кто-то плачет внизу. Прошло столько лет, но мне все никак не удалось услышать в этом звуке скрип ставней. Из-за того, что я не выспалась, я очень медленно плелась на кухню. По коридору бродил сквозняк. В какой-то из комнат дребезжало окно. Дом в этот день был унылый и серый, еще мрачнее, чем обычно. Да и сама я стала какая-то серая. «Скрип-скрип?», – скрипит пол под моими ногами. «Скрип-скрип!», – отвечают ему запертые комнаты. Но я уже ни на что не обращала внимания. На кухне меня ждет мама. Она греет руки о чашку чая, от неё исходят клубы пара.

– Доброе утро. Ещё немного и твой чай остыл бы, – тихо говорит она. Это не замечание, не осуждение, просто факт, на который я безразлично пожимаю плечами. Я вижу, что ей не терпится со мной поговорить. Она волнуется – теребит ключ, который теперь не висит на её шее, а лежит на столе. Гладит, вертит его, переворачивает, то поднимет вверх на цепочке, то опустит.

Я сижу спокойно и смотрю в кружку. Провожу пальцами

по краю, трогаю голубые цветочки – рисунок на белом фарфоре, он объемный, когда-то мы рисовали эти цветочки вместе с мамой масляными красками. Плюшка тогда наступила в палитру и наследила голубым отпечатками по всему дому. Мы их до сих пор не отмыли. Я мысленно улыбнулась. Всё напоминает Плюшку, с ней связана моя прожитая жизнь. Мама смотрит на меня, молчит. Я знаю, что она решилась на разговор. А она знает, что я знаю.

Воздух холодный и чистый, из-за повисшей тишины кажется стеклом. Сейчас мама заговорит. Сейчас она уронит этот стакан, и он разобьется с оглушительным звуком. Она тяжело вздыхает.

– Малыш, – наконец говорит она. Мне хочется закрыть уши, мне кажется, что я слышу звон стекла. – Послушай, малыш. Ты уже взрослая.

Я молчу. Даже не поднимаю глаз. Не знаю, что тогда происходило на моём лице, но она меняется в тоне, говорит мягче и ласковее.

– Я понимаю, тебе тяжело. Мне и самой когда-то пришлось пережить большую потерю. Я потеряла отца. И... – она запнулась, будто забыла слова. Посмотрела на ключ, словно там была выгравирована подсказка. – Потеряла отца и получила этот дом. Дедушка завещал его нам, ты же помнишь это. Но помимо дома он завещал некоторые дела, которые он не смог закончить. Обязал меня делать их после его смерти.

Я всё ещё молчу. Трогаю пальцами тонкий ободок. Такой тонкий, словно его вывели карандашом на бумаге. Думаю о таких глупостях во время важного разговора и не хочу себя остановить.

– Обязал меня и тебя, – говорит она после паузы. – В завещании он написал, чтобы я передала всё тебе после твоего восемнадцатилетия. Ты должна обязательно прочитать в чем заключается твоя работа, я оставлю его здесь, на столе.

Она вытаскивает бумажку из кармана, кладет её на стол между нами. Сверху кладет ключ. Я начинаю догадываться, о каком деле она говорит.

– В детстве тебе было очень интересно, почему я хожу в подвал. Что я там делаю каждый вечер, а я ответила, что ты узнаешь, когда вырастешь. Я не врала.

Я в первый раз за утро поднимаю глаза на неё. Она серьезна и бледна. Брови у переносицы. Губы – тонкая полоска.

– Теперь это твоя тяжелая ноша, – заканчивает она. Мне внезапно и беспричинно становится смешно.

– Но ключ ведь совсем не тяжелый, – я улыбаюсь, у меня выбивается смешок. Но на маме нет и тени улыбки. Она выглядит несчастной.

– Хорошо, – говорю я. Забираю ключ, вешаю на шею. Мы смотрим друг на друга, и ей кажется, что она глядит в зеркало.

Больше в тот день мы не разговаривали. Разошлись по разным комнатам – она в библиотеку, я в свою комнату. Так

мы и сидели до самого вечера, а потом она постучалась, вошла и сказала:

– Пойдём.

Она была очень напугана. Не объясняла мне, что делать, а я и не спрашивала. Мне было всё равно. Мы дошли до лестницы, которая вела вниз, к подвалу.

– Я ходила туда 15 лет почти каждый вечер, – голос её немного дрожал, свет фонаря мелко трясся. – И я так устала, малыш. Мне думалось, что ещё немного и я сойду с ума. Надеюсь, ты поймешь меня, если я не захочу туда спускаться. Поэтому дальше ты сама.

Она говорила полупшепотом, озиралась и избегала моего взгляда.

– Дверь очень легко открывается, нужно только налечь на неё. Ты справишься, только ничего не бойся, хорошо? Это не трудно. Быстро всё сделала и вернулась. Туда и обратно, хорошо? – она отдала мне фонарь и теперь держала меня за плечи. – Только, пожалуйста, малыш, не забудь закрыть дверь за собой, когда зайдёшь и когда выйдешь. Обязательно закрывай дверь, хорошо? Это очень важно.

Я кивнула.

– Ох! – она прижала меня к себе очень крепко. – Будь аккуратней. Будь аккуратней, малыш. Я буду ждать тебя с ужином.

Потом она отстранилась, поцеловала меня в лоб и ушла. Впервые за долгое время во мне появились какие-то чувства.

Мама озадачила, мне стало интересно, что же меня ждет в подвале.

И я начала спускаться. Ступеньки были каменными, стук моих туфелек эхом отдавался по арочным сводам. Этому звуку не было места, и он бился в стенах, потому что был несвободен, как дикая птица в клетке. Я задумалась, пока смотрела на свои туфли, и врезалась в дверь. Она показалась мне очень тёплой. Сняла ключ с шеи, быстро нашла скважину. Дверь легко поддалась и я вошла в подвал.

Там было очень тепло и темно, хоть глаз выколи. Свет фонаря не позволял мне видеть дальше небольшого кружка, который он освещал. Я растерялась и не сразу увидела в другом конце помещения тлеющий камин. Хотела пойти к нему, но тут же спохватилась. Чуть не забыла закрыть за собой дверь, ведь, по словам мамы, это было очень важно. Я пока не могла понять почему.

Закрыв дверь, я вновь надела ключ на шею и прошла дальше. Мне стало неуютно. Я ничего не видела, но меня не покидало ощущение, что на меня кто-то смотрит. Шаг, еще шаг, фонарь чуть выше, и...

И тогда я их увидела.

По сводам прокатилось испуганное «Ах!». Из темноты на меня смотрели глаза. Очень много глаз, думаю, несколько десятков. Глаза были непарные, они блестели теплым светом огонька фонаря и вопрошали. «Кто она такая? Что она здесь делает?», – будто бы говорили они. Но они молчали. Лишь

задвигались в темноте, начали переглядываться.

Так я вернулась в сказку. Но совсем не в такую, в какую мне бы хотелось вернуться. То была новая сказка моей жизни – жестокая и грустная, – но тогда я этого еще не осознала.

Это был подвал, в котором росли цветы. У цветов были глаза, огромные глаза, которые наблюдали за мной. Я замотала головой и попятилась, с грохотом на пол опрокинулась жестяная лейка. До этого момента мне было неизвестно моё предназначение, но лишь увидев лейку и вновь взглянув на потухший камин, я всё поняла. Я должна ухаживать за цветами. Поливать их и поддерживать тепло в подвале.

Цветы не умели говорить. Это я поняла потом, когда попыталась с ними общаться. Цветы умели двигаться и показывать взглядом, что они чувствуют. Там же я нашла колодец, с которого набирала потом воду, и дрова для топки.

Цветов было очень много, как я уже говорила, несколько десятков. Ими был заполнен весь подвал. Они были даже у самого входа, странно, что я их не заметила сразу. Они встретили меня тепло и каждый раз, когда я потом к ним возвращалась, их глаза сияли от радости. Я с ними разговаривала, потому что привыкла, что мои друзья обычно молчат. Вот, что я имела в виду, когда говорила, что все друзья были странными. Мне было хорошо с ними, и я ожила. Вновь стала выходить на улицу, читать книги, нормально питаться и разговаривать с мамой. Нашла в себе силы навестить могилку Плюшки. Жизнь, казалось бы, наладилась, но я и не

подозревала, что меня ждет дальше.

В тот первый день я сделала всю свою работу. Растопила камин, полила все цветы. Мне было немного жутко и неудобно от их взглядов, потому что они казались мне уж слишком живыми для цветов. Но уже к концу полива я привыкла.

Когда я возвращалась, мама с тревожным взглядом встречала меня у подвала.

– Закрыла дверь? – это было первое, что она спросила. Я не знала, почему её так заботила дверь. «Не могут же цветы сбежать», – подумала я и кивнула ей. Она подождала, пока я поднимусь, и крепко меня обняла. – Ты как?

– Неплохо.

– Точно?

– Точно. Они так смотрели на меня. Сначала мне было жутко, но потом я привыкла.

– Хорошо, – она перешла на шепот. Как всегда начала гладить меня по голове. – Хорошо, малыш. Ты всегда была смелой девочкой. Всё будет хорошо. Только закрывай дверь, это важно.

Мне было совершенно неясно, почему она так переживает. Потом она еще неделю напоминала мне закрывать дверь и встречала меня после подвала. Мне нужно было ходить туда через день, и с каждым разом, выходя оттуда, я становилась всё ярче и ярче.

– Малыш, да ты сияешь! – она заметила это сразу, но не решалась затрагивать эту тему. – Что произошло?

Это было как раз перед моим очередным походом к цветам.

– У меня просто появились новые друзья! – улыбнулась я и исчезла в дверном проеме. Я увидела, как в этот момент побледнела мама, но была слишком весела, чтобы задуматься, почему.

Так пролетали дни и декабрь близился к концу. За окном вывалил снег, улица перестала быть мне доступной. Я с тоской подумала о том, что еще долго не смогу навещать могилу Плюшки. Теперь я окончательно приняла факт смерти своей кошки и больше не грустила. Конечно, я очень скучала по ней и иногда вспоминала пустоту в груди, что оставила мне её смерть. Но теперь в этой пустоте росли цветы из странного подвала. Мама тоже стала немного счастливее – её не могло не радовать, что я поправилась, но всё же её напрягала моя дружба с ними. А потому мы не разговаривали об этом.

ГЛАВА 3

Корешки шершавые и немножко пыльные, я иду вдоль полок, едва касаясь книг кончиками пальцев. В библиотеке светло, за окном неспешно оседает белый пушистый снег. Я чувствую радость от грядущих праздников и удерживаю себя, чтобы не подпрыгивать от рвущихся наружу всплесков настроения.

Я отвлечена мыслями, все думаю, что подарить маме на Рождество, и, несмотря на серьёзное намерение найти новую

книгу, моё внимание скользит мимо авторов и названий.

Но отчего-то палец останавливается книге с золотистым цветком на корешке. Цветок мне знаком – в своей жизни я знала не так много пионов с глазами. Меня озаряет мысль: эту книгу писал мой дедушка! И, не думая более, я вытаскиваю её. Мама говорила, что у дедушки где-то есть собственные сочинения, но она не знала, где они. Надо скорее показать ей, думаю я, и словно ребёнок бегу на кухню.

– Мама! – задыхаясь от волнения восклицаю я. – Посмотри, что я нашла!

– Что такое, малыш? Последний раз ты так радовалась, когда нашла камень интересной формы в детстве, – смеётся она в ответ.

Я протягиваю ей дедушкину книгу, не произнося больше ни слова, и она, прежде вытерев руки, берет мою находку.

– Посмотри, – почти шёпотом повторяю я и стучу пальцем по имени автора.

Но она, почему-то не радуется. Улыбка медленно сползает с её лица, она хмурится и...

В помещении громко хлопает дверь. Я подпрыгиваю на месте от неожиданности и резкости звука. На кухне у нас нет дверей, из-за чего я понимаю, что вновь вернулась в настоящее из воспоминания. На самом деле я сижу на диване в полумраке библиотеки. Событиям, которые мне привиделись, уже более 20 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.